

Н. С. Петровский

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ СИНТАГМАТИКИ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ РЕЧИ

Потребности древнеегипетского общества вызвали к жизни многие естественнонаучные представления и побуждали к возникновению отдельных отраслей наук. Об этом свидетельствуют и косвенные данные, и дошедшие до нас учебные пособия по математике, астрономии, медицине, ветеринарии. Эти учебники или справочники носили утилитарный характер и служили практическим целям. Но в некоторых случаях можно говорить и о теоретическом интересе к излагаемым вопросам. В медицинском папирусе Эберса, например, изложена общая теория возникновения болезней, в анатомо-хирургическом папирусе Смита описываются случаи неизлечимых травм и т. д.

К сожалению, до нас не дошло каких-либо сочинений, которые позволили бы судить о теоретическом интересе египтян к собственному языку или хотя бы к отдельным его проблемам. Можно, конечно, допустить, что относительная изолированность Египта и, поэтому, отсутствие необходимости сравнивать свой язык с другими явились причиной этому. Известно, что в Месопотамии, явившейся местом обитания многих народов, такая необходимость привела к созданию учебников, словарей разных типов, таблиц склонения и спряжения и т. п.

Однако, по нашему мнению, сочинения о египетском языке типа пособий по медицине и математике, без сомнения существовали и в Египте, но либо еще не обнаружены, либо по стечению обстоятельств не сохранились вообще. На возможность их существования указывают, во-первых, использование египтянами в течение тысячелетий мертвого среднеегипетского языка (древнеегипетской «латыни»), что, без сомнения, требовало его постоянного изучения и сравнения с разговорным языком. Во-вторых, это показывают дошедшие до нас древнеегипетские лексикографические справочники типа известного «Московского словарика», фрагменты папирусов, в которых даны объяснения письменных знаков, и школьные грамматические упражнения.¹ Последние иногда дают возможность представить, как воспринимали египтяне некоторые языковые явления. Например, в одном упражнении времени Рамессидов при спряжении служебного глагола *w* после 1 л. ед. и мн. чисел следует 3 л., а затем 2 л.,² что указывает на своеобразие представлений египтян в этот период о порядке следования лиц в парадигме глагола.

Можно найти и другие примеры, косвенным образом свидетельствующие о понимании египтянами языковых явлений. Так, египетские писцы отлично осознавали тот факт, что устойчивые фразеологические единицы стоят ближе к слову, чем свободные словосочетания, и поэтому в письме обычно ставили после фразеологической группы общий смысловой детерминатив, как после отдельного слова. До тех пор пока египтологи не получат в свое распоряжение какой-нибудь древнеегипетский языковедческий трактат, такие примеры помогут воссоздавать если и не теоретические взгляды египтян, то во всяком случае восприятие ими в процессе практики отдельных языковых явлений. Естественно, что оценка значения восприятия этих явлений возможна лишь при учете современных лингвистических представлений.

Пожалуй одной из самых сложных является проблема членения египтянами своей речи. Этот вопрос можно сформулировать следующим образом: осознавали ли древние египтяне каким-нибудь образом деление речевого потока?

Любой египетский текст, написанный как иероглифами, так и иератическими и демотическими знаками, предстает перед нами как непрерывный ряд ничем не отделенных друг от друга слов. При современном уровне знания структур предложений различных

¹ Их обзор и библиографию см. в кн.: М. А. Коростовцев. Писцы древнего Египта М., 1962. С. 38, сл.

² J. Černy, A. Gardiner. Hieratic Ostraca, vol. I. Oxford, 1957. Pl. VIII, 7 r.

типов, несмотря на отсутствие сведений об интонационных средствах и даже об огласовке, этот непрерывный ряд сравнительно легко делится на предложения, а предложения в свою очередь на слова, словосочетания, члены предложения. Но египтяне, хорошо различая и слова и предложения на практике, на что указывают их словники и упражнения, не придавали, видимо, особого значения грамматическому членению как простых предложений, так и более сложных синтаксических единиц. И все же на какое-то другое членение своего речевого потока египтяне обращали внимание и даже пытались отразить его графически в тексте.

Известно, что во многих литературных иератических текстах, наряду с таким графическим приемом, как выделение «красной строки», встречаются красные точки, стоящие над строками. По поводу их значения до сих пор не существует определенного мнения. В. С. Голенищев называет эти точки «пунктуацией» (punctuation),³ но нигде как будто не поясняет, что они, по его мнению, отделяли. Поэтому такое определение представляется чрезмерно широким. Г. Мёллер в своей известной «Иератической палеографии» пытается объяснить значение красных точек. Он пишет, что «в поэтических текстах красные точки, стоящие над строками, служат для разделения строк (Verstrennung)».⁴ Такой взгляд получил распространение, и А. Гардинер в изданиях новоегипетских литературных произведений именуется красные точки «строфными» (versepoints).⁵ Но ни объяснение, ни сам термин нельзя признать удачным. Прежде всего, красные точки встречаются в литературных текстах не только поэтического, но и явно прозаического характера. Далее, отвлекаясь даже от понятного нам, но не существовавшего у египтян явления рифмы, строфа представляет законченную по содержанию часть стихотворной речи. Красные точки же, как мы увидим дальше, далеко не всегда отделяют такие части.

Весьма примечательна точка зрения А. Эрмана, который в грамматике новоегипетского языка относит красные точки, как и В. С. Голенищев, к «пунктуации» (die Interpunktion), но уделяет объяснению значительно больше внимания, чем Г. Мёллер. «Чтобы облегчить чтение и обзор текста,— пишет А. Эрман,— помещают, и притом, очевидно, лишь дополнительно, красные точки над строками. Это происходит в песнях, где точки, несомненно, отделяли также и строфы. Это происходит также и в прозаических текстах всех видов. Для нас эта пунктуация поучительна, так как по ней мы можем узнать, как делили предложения при медленном повествовании». В примечании к этому параграфу А. Эрман добавляет, что «в целом эти части соответствуют нашему ощущению, но имеются места, где они противоречат ему», и приводит пример из сказки «О Правде и Кривде» (5, 2), где точки стоят перед относительным местоимением *ntj* 'который' и перед предложной группой *jrm.f* 'вместе с ним'. Далее, А. Эрман не без оснований отмечает, что «размещение точек иногда происходило весьма наспех».⁶ Из этих утверждений можно представить практическую цель, ради которой ставились точки, характер текстов, в которых они использовались, и небрежность египетских писцов, но совершенно неясно, о каком делении предложений идет речь и каким нашим «ощущениям» соответствуют или противоречат выделенные части.

Однако, по нашему мнению, значение выделяемых отрезков текста и тем самым функцию красных точек определить можно, исходя из рассмотрения членения прежде всего египетских литературных текстов прозаического характера.

Если представить египетский литературный текст как сложное синтаксическое целое, то графическое выделение элементов в этом целом при помощи красных точек относится к началу Нового царства. В литературных текстах, дошедших до нас в списках Среднего царства, красные точки еще не встречаются. Нет их, например, в известной «Сказке о

³ W. Golénisheff. Les papyrus hiératiques, n° 1115, 1116A et 1116B de l'Érmitage Imperiale à St. Pétersbourg, 1913. P. 4.

⁴ G. Möller, Hieratische Paläographie. Bd. II. Leipzig, 1909. S. 5.

⁵ A. H. Gardiner. Late-egyptian stories. Bruxelles, 1932. P. VII.

⁶ A. Erman. Neuaegyptische Grammatik. 2. Aufl. Leipzig, 1933. S. 26.

потерпевшем кораблекрушение» (папирус Государственного Эрмитажа № 1115) и в ранних списках «Приключений египтянина Синухета» (т. е. в списках В и R папирусов Берлинского музея № 3022 и № 10499 времени Среднего царства и гиксосов). Но в среднеегипетских произведениях, переписанных в период Нового царства, красные точки уже налицо. Так, они имеются в списке G «Приключений египтянина Синухета» (папирус № 4657 ГМИИ им. А. С. Пушкина), который относится ко времени XIX династии, и во фрагментах других поздних списков. Можно предположить, что ставить точки в литературных текстах египетские писцы стали в начале Нового царства потому, что среднеегипетский язык перестал быть разговорным языком, так как таковым уже являлся новоегипетский язык, и текст для правильного понимания и чтения членили на отрезки. Этот прием сохранился и при полной победе новоегипетского языка как языка литературного. После Нового царства членение текстов, написанных так называемой поздней иератикой, имеет место в очень редких случаях, хотя красные точки встречаются в позднеиератических текстах вплоть до середины I в. н. э.⁷ Следовательно, считая от начала Нового царства, этот графический прием просуществовал свыше 1500 лет.

Разумеется, и в период Нового царства красные точки расставлялись не всегда. Это зависело, видимо, как от тщательности писца, так и от установки данной писцовой школы. В списке «Поучения Мерикара» первой половины XVIII династии (папирус Государственного Эрмитажа № 1116 A rt.) писец расчленил текст точками только до 78 строки, т. е. лишь половину текста. Известное «Поучение Неферти» в списке того же времени (папирус Государственного Эрмитажа № 1116 B rt.) вообще не расчленено. Нет точек и в таком известном новоегипетском произведении, как «Повесть о двух братьях» (папирус Британского музея № 10183). В то же время некоторые большие тексты времени Нового царства, как, например, «Повесть о зачарованном царевиче» (папирус Британского музея № 10060 vs.), скрупулезно разбиты точками на отрезки. То же самое относится и к некоторым более мелким литературным произведениям: поучениям, стихотворениям и т. п.

Можно взять для примера один и тот же отрывок текста, выполненного разными писцами. В папирусе Анастаси IV, 8,7–8,8 (папирус Британского музея № 10249) текст дается бел какого-либо членения:⁸

...ḥwnj.n.k ḥr psd.j sb3.k ḥr ʿk r msdr.j twj mj ḥtr tjtj bw ij n.j kdd m ib.j n hrw bn sw m-ʿ.j m grḥ...

Перевод этого отрывка тоже без членения и знаков препинания выглядит следующим образом:

...бил ты по спине моей ученье твое вошло в ухо мое я как лошадь (нетерпеливо) гарцующая не приходит ко мне сон в сердце моем днем нет его у меня ночью...

В папирусе Лансинг 11,1–11,3 (папирус Британского музея № 9994)⁹ тот же отрывок почти досконально передается в грамматическом и лексическом отношении, но писец ввел красные точки (•):

...ḥw.n.k psd.j • sb3.k ʿk.w r msdr.j • twj mj ḥtr tjtj • bw ij n.j kḏ.t m ib.j n hrw • nn sw ḥr-ʿ.j m grḥ • ... (при переводе отрывка обозначим точки вертикальной чертой |) — ...бил ты спину мою | ученье твое вошло в ухо мое | я как лошадь, (нетерпеливо) гарцующая | не приходит ко мне сон в сердце моем днем | нет его у меня ночью |...

Этот небольшой отрывок интересен тем, что в процессе чтения его членили на пять следующих один за другим отрезков. Эти отрезки, или элементы, совпадают с простыми предложениями разных типов, т. е. членение при помощи точек в данном случае было связано с грамматическим делением этого сложного синтаксического целого на предложения. Однако это совпадение не означает, что деление при помощи точек не обладало известной независимостью от грамматического деления и не подчинялось своим собственным закономерностям. Для иллюстрации некоторых особенностей этого деления

⁷ G. Möller, Hieratische Paläographie. Bd. III. Leipzig, 1912. S. 4.

⁸ A. H. Gardiner. Late-Egyptian Miscellanies. Bruxelles, 1937. P. 43, 9–11.

⁹ Ibid. P. 109, 14–16.

можно сравнить два прозаических текста, в которых проставлены красные точки: среднеегипетский (но переписанный в начале Нового царства) и новоегипетский. Первым может служить часть «Поучения Мерикара»,¹⁰ вторым — произведение новоегипетской литературы «Повесть о зачарованном царевиче».¹¹

В «Поучении Мерикара», начало которого сильно фрагментировано, а красные точки расставлены лишь до 78 строки, можно отметить некоторые любопытные особенности этого членения. Прежде всего следует отметить, что как и в приведенном выше отрывке из папируса Лансинг, при расставлении точек простые предложения часто выделяются. Но если два простых предложения были связаны причинно-следственными отношениями в широком смысле слова, то они точкой не разделялись, а представляли единый элемент:

m ḏw nfr w3ḥ ib — не будь дурным, (ибо) хорош доброжелательный (36)¹²;

ś3^c wr.w.k irj. zn hp.w.k — возвеличивай вельмож твоих, (ибо) они творят законы твои (42–43);

ts ḏ3mw.k mrj tw ḥnw — набирай войско твоё (и) тебя будет любить столица (57).

Сложноподчиненное предложение, в котором придаточное предложение вводилось относительным местоимением *ntj* 'который', тоже не членилось точками:

śnd n.k wr.w ntj.w ḥr t3 — будут бояться тебя вельможи, которые в стране (46).

Весьма странным на первый взгляд является отсутствие точки перед прямой речью:

n ʿk3 n ḏd ḥ3 n.j — не праведен говорящий: "Ах, если бы мне (иметь)!" (44).

Любопытным является тот факт, что антиципированные члены предложения тоже не отделяются от предложения и составляют с ним один отрезок:

wnw.t śmnḥ-ś n m-ḥ.t — час, благодетельствует он для будущего (66–67);

iw hrw w^c dj.f n nhḥ — один день, даёт он на вечность (66).

Наоборот, как от простых, так и от сложных предложений могли отделяться элементы. В связи с этим любопытно отметить, что хотя определения обычно не отделяются от определяемого точками, из этого правила было как будто исключение. Когда в качестве определения выступает относительная форма, она отделяется точкой:

m śm3 s iw.k rh.tj 3ḥw.f • p3.n.k ḥs śš.w ḥn^c.f — не убивай человека, добродетель которого ты познал, | вместе с которым ты когда-то пел написанное (50–51).

Как было указано выше, сложноподчиненные предложения с относительным словом *ntj* не членились на элементы. Но сложноподчиненные предложения с предлогом *mj* в роли подчинительного союза, вводящего сравнительное придаточное предложение, членились точкой на два отрезка:

iw ḏ3mw r 3jr ḏ3 mw • mj śr.n tp.w ʿr.s — войско будет теснить войско, | как об этом предсказали предки (69; сходные примеры также в строках 34–35, 70).

Часто встречающиеся в египетском языке сложные предложения, в которых первая часть вводится предлогом *ir* 'что до', усиленно указывающим на лицо или предмет, а вторая сообщает что-либо о них, тоже разбиваются на две части:

ir ph śt nn ir.t iw • wnn.f im mj ntr — что до достигающего этого без совершения неправды, | будет он там как бог (56).

Примеры показывают также, что из предложения точкой часто выделяется обстоятельство времени:

rh.n.k tm.śn śfn • hrw pf n wḏ^c m3r — ты знаешь, не кротки они | в день тот суда над убогим (53–54). Но это относилось не ко всем обстоятельствам. Обстоятельства сопутствующих условий, выражаемые предложной группой инфинитива, и обстоятельства отождествления, которые образовывались при помощи предлога *m* 'в качестве', не отчленились от предложения:

ḏ3mw ndm ḥr śmś ib.f — войско радостно, следуя желанию своему (58);

m33.śn ʿḥ^c w m wnw.t — рассматривают они век как час (55).

¹⁰ W. Golénisheff, op. cit. Pl. IX–XI.

¹¹ A. H. Gardiner. Late-Egyptian Stories. P. 1–9.

¹² В скобках дан номер строки текста папируса № 1116 A rt.

Расстановка красных точек в «Повести о зачарованном царевиче» тоже свидетельствует о существовании каких-то закономерностей в членении текста и предложений. Простые предложения, как и в «Поучении Мерикара» и в папирусе Лансинг, часто совпадают с элементами, отделенными точками. Но опять же, если два простых предложения были связаны причинно-следственными отношениями, они объединялись в одно целое:

iw.f hr sw(r)j iw.f hr th — она (змея) выпила, она стала пьяной (8,3)¹³.

Как будто и сложноподчиненное предложение с относительным словом *ntj* могло представлять один отрезок:

h^c.n sdm n3 n rmt ntj r-gs p3 hrd — тогда слышали люди, которые (были) около ребенка (4,4; сходный пример в 4,8).

Прямая речь, которая широко представлена в повести, очень часто отделяется точкой (4,8; 5,5–5,6; 5,10; 5,11; 5,14; 6,2; 6,8–6,9; 7,2; 7,3; 7,6; 8,5). Но иногда прямая речь не выделена:

iw.f dd n.f tsm p3j — он сказал ему: "Это собака" (4,9).

То, что это не случайность, указывают также примеры в 4,10; 5,2; 6,7; 6,10; 6,15. Примечательно, что с вводящей иногда прямую речь предложной группой *m dd* ('говоря') прямая речь всегда составляет один элемент (4,12; 6,8; 6,12).

Интересен вопрос о расстановке красных точек в простых и сложных предложениях. Как и в среднеегипетском тексте, определения не отделяются от определяемого, но исключение опять связано с относительной формой, которая упорно отчленяется:

...hr smj (md.t) nb.t • jdd.sn p3j.s it — ...докладывая (слова) все, сказанные ею отцу ее (6,14; сходные примеры в 7,7; 8,11).

Как и в «Поучении Мерикара», сложные предложения, в которых первая часть вводилась предлогом *ir* 'что до', разбивались на два отрезка (5,6).

Многочисленные примеры показывают, что красными точками от предложения отделяются некоторые типы обстоятельств. Упорно отчленяются обстоятельства времени и меры времени (8,6; 8,7; 7,13). То же самое относится к обстоятельству места:

wn.in p3 šrj hr hms hr ir.t hrw nfr • m p3j.f pr — и юноша сидел, проводя добрый день, | в своем доме (7,14; сходные примеры в 4,11; 6,6–6,7; 8,7).

Обстоятельство цели, выражавшееся инфинитивом с предлогом *r*, тоже отделялось. Но не все типы обстоятельств отделялись точками от предложения. Как и в «Поучении Мерикара», обстоятельство сопутствующих условий, выражаемое предложной группой инфинитива, в отдельный элемент не выделялось (6,4). Обстоятельство направления (в отличие от обстоятельства места), обычно передававшееся при помощи предлога *r*, тоже не отчленялось.

Самым примечательным является отделение косвенного дополнения. Например, в тех редких случаях, когда по законам языка косвенное дополнение, указывающее лицо или предмет, к которому направлено действие, при помощи предлога *n*, выдвигалось на конец предложения, оно могло отделяться красной точкой:

in iw jdj.j t3.j.j šrj • n p3 w^cr n km.t — разве отдам я мою дочь | беглецу из Египта (6,10).

При глаголах со значением конкретного действия косвенное дополнение, указывающее на орудие действия и вводимое предлогом *m*, тоже могло отделяться точкой, на что указывает пример в 8,4: "и (его жена приказала ее) разрубить | своим топором" (*m p3j.s mjnb*). В случае, когда косвенные или прямые дополнения были выражены однородными членами с предлогами или без предлогов, эти однородные члены (после первого) отделялись точками:

mt.f n p3 msh • m r-pw p3 hf3w • mjt.t p3 iw • — он умрет от крокодила | или от змеи | также от собаки | (4,4);

iw.f hr dj.t n.f pr hn^c 3h.wt • m mjt.t iw.t • h.wt nb.t nfr • — он дал ему дом и поля, | а также (мелкий) скот, | вещи всякие добрые | (7,5).

Наконец, следует обратить внимание на то, что отделяемый точками отрезок мог состоять из одного знаменательного слова:

¹³ В скобках указаны номер листа папируса и номер строки папируса № 10060 vs.

twj wd.kwj n hmt š3 j.w • p3 mšh • p3 hḫw • p3 iw — я обречен трем судьбам: | крокодилу, | змее, | собаке. | (7,6).

Если рассмотреть примеры деления текста с помощью красных точек, можно заметить, что оно, хотя и совпадает иногда с грамматическим членением на предложения, члены предложения и словосочетания, повинуются все же своим закономерностям. Как мы видели, простые предложения иногда совпадают с выделенными при помощи точек отрезками, но при определенных условиях эти отрезки включают два простых предложения. Сложноподчиненные предложения тоже подчас соответствуют выделенному отрезку, но иногда разбиваются на два элемента, совпадающие с тем, что мы называем главным и придаточным предложением. Прямая речь иногда отделяется, а в некоторых случаях составляет одно целое с вводящим ее предложением.

Нельзя утверждать, что точками выделялись члены предложения. Некоторые типы обстоятельств действительно отделяются, но другие составляют с предложением единое целое. То же самое относится к косвенным дополнениям. Нельзя утверждать также, что выделенные элементы соответствуют словосочетаниям. В настоящее время в советской лингвистике» утвердилось совершенно определенное понимание словосочетания как возможного для данного языка подчинительного сочетания двух знаменательных слов (из которых одно является главным, стержневым, независимым, а другое — подчиненным, зависимым), являющегося строительным материалом для предложения. Как мы видели, членение текста при помощи точек могло разрывать словосочетания, отделять зависимый член от независимого, хотя, как правило, более тесные словосочетания не расчленились. Но, пожалуй, самым ярким отличием этих элементов от словосочетаний являлось то, что они могли состоять и из одного знаменательного слова, в то время как словосочетание необходимо состоит из двух знаменательных слов.

Таким образом, подход к египетскому членению текста с точки зрения грамматической не разрешает вопроса о содержании выделенных отрезков и, тем самым, о функции красных точек.

Однако, как известно, возможно и другое членение речи: на грамматически и интонационно оформленные смысловые единицы — синтагмы.

В науке существует два понимания термина «синтагма». Ф. де Соссюр этим термином обозначал соединение или слияние двух или нескольких знаков, образующих некий комплекс в слове, обороте, в члене предложения или в предложении в целом, причем в основу любого синтагматического отношения подводил отношения определяющего к определяемому:¹⁴

Не вдаваясь в подробности истории вопроса и, тем более, в оценку этой теории и термина, с ней связанного, укажем лишь, что она с различными модификациями получила достаточно широкое распространение в лингвистике. Характерным в этом отношении является изложение теории синтагмы А. А. Реформатским в его книге «Введение в языкознание».¹⁵

В отечественной лингвистике в настоящее время получило преобладание другое понимание термина «синтагма». Выяснение понятия синтагмы в этом значении прошло длинный и сложный путь.¹⁶ Исследования акад. Л. В. Щербы, акад. И. И. Мещанинова, проф. Е. В. Кротевича и др., и в особенности акад. В. В. Виноградова, на материале русского языка постепенно выявили содержание вполне реального семантико-синтаксического понятия синтагмы, не заменяющего учение о слове, словосочетании, предложении, а дополняющего его. Общие теоретические выводы с успехом были применены и при изучении других языков.

¹⁴ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 121.

¹⁵ А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960. С. 265.

¹⁶ См. подробное исследование акад. В. В. Виноградова «Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка» (Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1960. С. 183, сл.).

«Понятие синтагмы,— пишет акад. В. В. Виноградов, — не навязано языку искусственно и насильственно,— оно соответствует реальным явлениям речи. Синтагма отражает "кусочек действительности", представляя связный элемент речевого целого. Это понятие помогает глубже и тоньше вникнуть в синтаксический строй предложения и в его семантику. Синтагмы обнаруживаются в составе высказывания, связной речи (предложения или более сложного синтаксического единства), вычленяются из них и — вместе с тем — образуют их. В синтагматическом членении выражаются тонкие смысловые и стилистические оттенки сообщения. Поэтому выделение синтагм или, вернее, членение на синтагмы всегда связано с точным и полным осмыслением целого сообщения или целого высказывания».¹⁷

Возвращаясь к интересующему нас вопросу, можно на основании приведенных выше примеров утверждать, что древние египтяне придавали значение не грамматическому, а другому реально существовавшему членению речи: на семантико-синтаксические элементы — синтагмы (*syntagmes, sense-groups*). Учитывая незнание нами интонации и даже огласовки египетского языка, можно лишь высказать предположение, что, как и в других языках, формами этого членения в устной речи являлись пауза, интонация или особое синтагматическое ударение.

В письменном тексте это членение осуществлялось при помощи красных точек, или, как мы можем теперь уточнить их значение,— «синтагматических разделителей», «синтагматических точек» (*syntagmepoints*). Принципы расставления синтагматических точек достаточно ясно свидетельствуют о том, что египетская синтагма являлась прежде всего единицей семантической и синтаксической, а не фонетической (древнеегипетская фонетика нам неизвестна, но в каждом отдельном случае объем синтагмы определить можно), и что синтагма, представляя элемент речевого целого, отличается от предложения, члена предложения, хотя и может совпадать с ними.

Объем египетских синтагм был различен и зависел, без сомнения, от смысла высказывания и от стиля речи, что было связано «с точным и полным осмыслением целого сообщения».

В приведенном выше примере (*wn.in p3 šrj hr hms hr ir.t hrw nfr • m p3j.f pr* — и юноша сидел, проводя добрый день, | в своем доме) отчленение обстоятельства места показывало, вероятно, что оно относилось к предикативной группе "и юноша сидел", а не к обстоятельству сопутствующих условий "проводя добрый день". При чтении литературный текст, видимо, произносился нараспев. На это указывает приведенная выше сентенция из «Поучения Мерикара»: «не убивай человека, добродетель которого ты познал, вместе с которым ты когда-то пел написанное». Естественно думать, что при таком чтении в тексте особенно тщательно выделялись отдельные смысловые элементы. При графическом воспроизведении текста синтагматические точки расставлялись в целях сохранения смысловых и стилистических оттенков сообщения.

Значение, которое египтяне придавали синтагматическому членению своей письменной речи, свидетельствует об их совершенно определенном подходе к языку: от целого к его элементам.¹⁸ Нет сомнения, что в частности египетское членение речи на синтагмы отличалось от синтагматики речевого потока в других языках и, тем самым, от наших «ощущений». Но именно это и дает возможность проникнуть в «кусочек действительности» древнеегипетского народа с точки зрения египетской, а не современной.

Приходится считаться с тем неумолимым фактом, что мы имеем дело с мертвым языком, отстоящим от нас на несколько тысячелетий. Поэтому исследование его синтагматики необходимо отличается от подобной задачи в современных языках, где возможен экспериментальный анализ живой речи. Дальнейшее изучение синтагматического

¹⁷ Акад. В. В. Виноградов, ук. соч., с. 248.

¹⁸ Ср. замечание акад. В. В. Виноградова (ук. соч., с. 247), что «учение о словосочетании и учение о синтагме касаются разных сторон синтаксического строя языка и предполагают разный подход к языку: от элементов к целому (словосочетание) и от целого к его элементам (синтагма)».

членения древнеегипетской речи на основе всех известных прозаических и поэтических текстов, в которых проставлены синтагматические точки, должно установить особенности этого членения в отношении к грамматическому членению и порядку слов египетских предложений разных структурных типов, отношение целого предложения, выступающего как синтагма, к более сложным синтаксическим единствам и, быть может, показать, какие оттенки смысловых значений связаны с этими членениями.

В заключение нельзя не обратить внимания на то, что семантико-синтаксическое понятие синтагмы, выработанное советской лингвистикой, как понятие, соответствующее реальным явлениям речи, находит подтверждение на материале языка одного из самых древних народов мира.